

**ПОЛИТИКА
И УПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВОМ:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ
И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ**

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва
2019

Л. В. Сморгун

ПОЗНАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ОТ СОСТОЯНИЯ ПОЛИТИКИ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ

Аннотация: В статье анализируется современное состояние политической науки как стигматизированного знания, отчужденного по отношению к политической реальности. Выявляются основные характеристики стигматизированной политической науки, обосновывается идея необходимости политической науки как факта политической реальности и ее связи с всеобщим чувством, обоснованной И. Кантом и Х. Арендт. В теоретическом отношении проводится мысль о трансформации современного политического знания, находящей выражение в исследованиях политического как проекта, а политической реальности как публичной политики.

Политика выступает, как известно, существенной частью человеческого существования. В этом качестве она находится в неразрывном единстве с познающей способностью человека. Сочетание знания и действия или действия со знанием всегда однако было сложным занятием. В последнее время политический мир сталкивается с тем, что трансформируется не только политика, но и поступает явный запрос на новое знание. Популизм и постправда поставили своеобразную проблему, которая пока трудно разрешима, но она касается самих основ политики и политического знания. Действительно ли популизм демонстрирует новую политику, или это обратная сторона интеллектуализации политики, которой последняя характеризовалась в прошлом веке? В каком смысле современная политическая наука стоит перед вызовом этой политики? Являясь предприятием политическим, она находится в поисках современного пути, где сложно определить вектор движения. Как пишет один из современных политических философов — Джорджо Агамбен — «поведение и формы проживания человеческой жизни никогда не предписываются ни каким-то биологическим

предназначением, ни какой-то иной необходимостью, но будучи столь привычными, повторяемыми и социально обязательными, они всегда сохраняют в себе характер возможности, в том смысле, что они всегда готовы задействовать саму жизнь»¹. Эта вероятность и открытость жизни к изменениям имеет непосредственное отношение к политическому знанию, трансформация которого определяется кризисом современной политической науки, основанной на противостоянии реализма и нормативизма.

Вопрос о том, что собой представляет политическая реальность, является, конечно, вопросом, требующим человеческого размышления. Когда мы попытаемся задуматься, то наше размышление приведет нас, с одной стороны, к фундаментальному вопросу политической философии, способен ли человек жить в мире с другими по истине добра, справедливости, чести, свободы, а, следовательно, способен ли он оценивать действительность с позиции должного (нормативизм). Традиционно на этот вопрос отвечала политическая философия и теория, ориентированная скорее на поиск потенциала политики как способа совместной жизни людей на земле. В XX в. на этот вопрос пыталась ответить политическая наука в виде политического реализма, потеснив политическую философию на периферию политического знания. Она использовала картезианскую версию объективной науки, базирующейся на ясных и отчетливых рациональных предпосылках метода познания. Впоследствии грубая версия картезианства была потеснена попперовской концепцией объективной теории, использующей критический рационализм. Для политического реализма политика была действием и противостоянием людей, обеспокоенных безопасностью и стабильностью. В этом противостоянии нормативизма и реализма некоторые критики разделений пытаются говорить о снятии противоречий путем синтеза подходов, сделав шаг к тому, чтобы политическое знание стало одновременно философским, научно-компаративным и политико-практическим. Однако насколько синтез плодотворен? Не является ли он попыткой простого соединения нормативизма, реализма и практики, без ясного указания на основы этого синтеза? Может быть остановиться на рортианском релятивизме как стратегии отношения к науке и практике, когда все имеет свои контексты и обоснования? В этом отношении постправда и истина, популизм и либерализм/консерватизм, национализм и гражданское единство, восточная и западная цивилизации, виртуальная реальность и действительность, демократия и авто-

¹ Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М.: Гилея, 2015. С. 14.

ритаризм — все это имеет право на существование, а задача состоит в их диалектическом сосуществовании и борьбе?

Последняя версия сциентистского анализа (теория хаоса, синергетика) представляет собой самостоятельный подход при изучении сложных (адаптивных) систем, которые не подчиняются линейному развитию, включают в себя синергетические компоненты самоорганизации, бифуркационные потоки, сложные причинные зависимости и т.д. Сложность, как считается, является результатом самой реальности, т.е. принадлежит к объекту исследования. В этом отношении известно, что политическая реальность характеризуется сложностью, определяемой характером современных политических отношений, множеством акторов, особенностью деятельности, открытостью политических систем, историчностью и т.д. Политика, описанная здесь языком физики и термодинамики, была близка к тому, чтобы объединить причудливым образом хаос борьбы и стремление к нормативному порядку, однако предложенная синергетикой картина была настолько далека от политического языка, что осталась отдельным предприятием стигматизированного академического знания. В общем, различие между тем, что ожидалось от политической науки, и что она в своем существовании порождает вылилось в стигматизированное политическое знание, которое ни реальные политики, ни современные рядовые участники политического процесса не признают в качестве чего-то действенного и заслуживающего внимания. Признак «простого словотворчества» со стороны обыденного рассудка или «чисто академического знания» со стороны практических политиков есть стигма, приписанная современной политической науке. Как реакция возникает аксиологический поворот. На первый план выходит аксиологическое понимание сложной политики как ответственности. А для этого значение приобретает критический рационализм, основанный на немилитаристском понимании политического и на обращении ко всеобщему чувству, предполагающему единство политической онтологии и методологии. И политическая наука тогда продвигается к тому, чтобы стать элементом политической реальности, т.е. политики.

Объективная политическая наука и стигматизация. Странно, но чем больше политическая наука стремится быть объективной и строиться по меркам естественно-научного знания, тем меньший интерес она вызывает в политическом мире. Профессионализация политической науки, когда ремесло, т.е., знание как совершить действие, преобладает над действием и тормозит последнее, привело к совершенству метода, но отодвинуло на второй план понимание политики. Первен-

ство методологии по отношению к онтологии в познании политики порождает недоверие практиков к научному политическому знанию и сопровождается его стигматизацией. Заклейменная как академическое предприятие, современная политическая наука перестает получать поддержку со стороны государства (такие попытки отмечаются в последние десятилетия в США — стране с самой развитой академической дисциплиной), ее журналы пылятся на полках университетов, выпускники политологических факультетов уходят в другие отрасли деятельности, самодельные политологи (политические блоггеры) теснят профессиональных академиков в средствах массовой информации и в социальных сетях. Стигматизированная политическая наука отодвигается на периферию политики, замыкается в себе и предстает некоторой сектой, заинтересованной в самооправдании.

Признаки стигматизированной политической науки имеют реальное выражение в отношении к ней как такому предприятию, которое, хотя и имеет некоторые характеристики профессионального занятия, однако не является существенным компонентом политической деятельности. Политика, представленная в некоторых обобщенных схемах, моделях, концепциях и причинных зависимостях, перестает интересовать того, кого она описывает. Академическая политическая наука становится изгоем на поле современных политических битв. Заключенная на своих собственных механизмах обоснования значимости, она пытается получить поддержку других форм стигматизированного знания, будь то мифотворчество, спекулятивная история или квантовая политология. С недоверием, а часто и с подозрением, относясь к всеобщему чувству как недостаточному и часто ошибочному взгляду на политику, стигматизированная политическая наука рассматривает политический мир сквозь призму заранее выстроенных ориентиров, позволяющих ей идти навстречу систематизированному и отчужденному от политического понимания мира. Но не только здесь мы можем наблюдать отчуждение политической науки. Она стремится быть выше ортодоксальной и неортодоксальной политики, указывая последним, как строить правильные политические институты и движения, исходя из рационального проекта целедостижения. Сама пытаясь стигматизировать реальную политику в разрабатываемых наукой понятиях режимов, дизайнов и уровней развития, стигматизированная политическая наука рассматривает реальные политические институты и практики как тайные, закрытые, засекреченные, а следовательно, требующие изолированных методов и приборов анализа и обоснования «тайного» знания. Этот мейнстрим во взаимодействии политики и политической

науки является не удачным для всех. И прежде всего нужно понять, что политический реализм сам должен быть подвержен критике, что политика является не объектом приложения методологических инструментов, пусть и рационально ясных в своих источниках, а тем пространством жизни людей, который изначально был связан с их совместным существованием.

Здравый смысл и критика политической реальности. В последние десятилетия против нормативизма в политике и политической теории на первый план вышел политический реализм. Политический реализм — это не только направление в теории международных отношений, но и в политической науке в целом. Его основным символом веры выступает шмиттовская установка на развенчание деполитизации политики и деполитизированных политических понятий. Карл Шмитт видел такую деполитизацию в либерализме и обосновывал специфику политического как автономной сферы человеческой жизни по отношению к этике, экономике, эстетике, праву. Современный политический реализм наследует эти общие методологические установки, хотя и пытается уйти от шмиттовского ригоризма в оценке политического как отношения друзей и врагов, потенциально выраженном в войне. Общими для политического реализма являются следующие методологические суждения о политике: а) утверждение об автономности (или, смягченно, отличительности) политики; б) принятие в расчет агонистического характера политики; в) отвержение «утопических» или «моралистских» подходов, практик и оценок, которые не учитывают предыдущие характеристики политики; г) приоритет требования политического порядка и стабильности над требованиями справедливости (или, в минимальном выражении, отвержение любого рода приоритета справедливости по отношению к другим политическим ценностям)¹. В этом отношении такие категории, как интерес, власть, насилие, безопасность, борьба становятся приоритетными по сравнению с категориями добродетели, мир, согласие, справедливость. Реалистическое понимание политики связывает ее прежде всего с деятельностью и поступком, которые, конечно, осуществляются в материальных и культурных условиях, но не являются однозначно определенными ими. Политика есть борьба интересов, решение проблем безопасности, предприятие по сохранению условий существования современного человека в сложном, открытом и неопределенном движении исторического времени. Осо-

¹ McQueen A. The Case for Kinship: Political Realism and Classical Realism. — Politics Recovered: Essays in Realist Political Thought / ed. Matt Sleat. N.Y.: Columbia University Press, 2018.

бенностью политического реализма является обоснование политики вне контекста морали и ценностей, хотя последние могут признаваться факторами политической деятельности. Но они являются внешними по отношению к политике, обеспокоенной безопасностью, ресурсами и сохранением.

Вместе с тем все категории политического реализма не могут быть поняты вне раскрытия содержания единства политики и реализма. В этом отношении следует попытаться объединить политическое и реальное, проведя различие между политическим и неполитическим, реальным и символическим. При этом разделение и соединение должно быть радикальным, а не умеренным, так как всякие «посредники между», размещаемые в умеренных подходах, будут скорее мешать, чем способствовать пониманию существа дела. По сути, этим и занимался Карл Шмитт, определяя свое понимание политического и критикуя позицию либерального сокрытия существа политического. Огромный объем литературы по данному сюжету, конечно, позволяет сократить изложение и представить, наверно, схему, а не развернутый анализ, однако этого будет достаточно для понимания того, почему политический реализм сегодня пытается продвинуть себя на передовые рубежи политической теории. Конец истории, объявленный совсем недавно, является символическим актом наступления политического реализма.

Политическое как проект. Политическое не может выступать в виде порядка и стабильности. Если все же порядок и стабильность берут верх, то политика трансформируется в экономику с ее ориентацией на балансы и равновесие. Политическое связано с историей, а значит с участием многих людей в создании нового. В этом отношении политическое повернуто в будущее, организованное посредством раскрытия нового. Тогда политическое связано с событийностью, т.е. с открытостью к разворачиванию совместного существования людей. Событийное понимание политики связывает ее прежде всего с деятельностью и поступком, которые, конечно, осуществляются в материальных и культурных условиях, но не являются однозначно определенными ими. Возникает впечатление о тесной связи предпринятого здесь обоснования событийности политики и философии практики, которая разрабатывалась леворадикальными философами, прежде всего постмарксистами во Франции. Это, действительно, так. Но и здесь нужно уточнение: мы опираемся на скорее феноменологический перспективизм, хотя и с пониманием относимся к реализму философии практики; первый проделал значительный путь от экзистенциальной феноме-

нологии через постмодернизм к современной критической философии политики. В этом отношении следует начать с обоснования, что «*тот факт, что реальность является практикой, означает на данном уровне, что настоящее постигается как то, что достигнуто действиями людей, и как то, что требует решения определенной задачи; что познание нашего мира не может быть оторвано от замысла его изменить; что истина и ложь, добро и зло требуют определения лишь как условия революционного действия; что в своей завершенной форме реальность есть политика*»¹. Нельзя сказать, что политическое событие абсолютно свободно, но нельзя и забывать о том, что человеческая деятельность вносит в политический процесс много неопределенного. Здесь воля и намерение играют существенную роль. Иногда с этим связывают только радикальную философию и политику, однако радикализм лишь высветил наиболее ярко событийный характер политического, что отнюдь не означает, что только радикальное есть политическое. Он высветил значение экстраординарного действия для осмысленной жизни, но в то же самое время придал ему абсолютный смысл. Он саму политику и политическое действие обозначил в качестве экстраординарного, тогда как участие в политическом как решении задачи является существенно необходимым и перманентным для человеческого существования. Необходимо еще раз продумать связь политического и разрыва (войны и революции) как всегда потенциально возможного и отношение политического и соединения (мира и сотрудничества). В этом отношении разделение Ю. Хабермаса человеческой жизни на системный и жизненный мир, где системный мир предстает как лишенный человеческого содержания в результате господства власти и денег, а жизненный мир, фактически, сводится к партикулярной позиции обычного человека с его повседневными заботами, тяготами и радостями, не может быть удовлетворительным ответом на потребности человека быть самим собой. Быть самими собой означает не только и не столько жизненный мир человека, находящегося в контакте с близкими — семьей, друзьями, соседями. Это еще и третье пространство человеческого существования — жизненный мир публичного существования человека, нахождения им себя в общественности, в контакте с «дальними» не только коммуникативном, но и событийном, т.е. открытом к решению задачи. Быть в событийном отношении с другими — значит действовать, т.е. жить в пространстве политического, быть причастным (и переживающим, но не только) к тому, что можно назвать настоящей ре-

альностью человеческой жизни. Не только и не столько мир быта, семьи, частных забот делает нас проявленными личностями, т.е. представшими перед другими во всем богатстве человеческого существования, сколько мир в пространстве политического как проекта. Единственно, это последнее пространство может нам не принадлежать, быть захваченным случайными людьми, так называемыми «современными политическими элитами», которые лишь заявляют о том, что они осуществляют «власть народа», тогда как на самом деле это захваченное ими политическое пространство пронизано частным интересом, той же семьей, бытом, заботой о собственном материальном благополучии. «Случайность» политических людей не означает отсутствия у них хороших черт, просто современная политическая реальность, основанная на процессах выбора и репрезентации по своей сути есть механизм, обеспечивающий случайность выборки представителей. Их принадлежность к партиям, если говорить о партийной демократии, не обеспечивает достаточных оснований для формирования политиков, т.к. здесь скорее создаются профессии, а не политики. Только в монархии и аристократии достоинство является каким-то образом причастным к необходимости быть политиком, или в государстве Платона необходимость определяется как знание идеи прекрасного государства, и на этой основе только философы по необходимости могут быть правителями. Полагают, что выборы есть выбор достойных. Увы, практика показывает, что это не так. Но если не брать момент эмпирический, то достоинство не может быть результатом выбора. Оно может проявлять себя только по праву быть достойным, а это право не может принадлежать в современном обществе отдельным лицам. Достоинство быть политиком принадлежит всем свободным, поэтому неправильно, когда считают, что всеобщее благо не может быть делом каждого, а лишь некоторой функцией символического единства, достигаемого в процессе коммуникации частных индивидов. Шанталь Муфф лишь смягчает недостатки современной демократии, когда пишет, что «общество может быть демократическим по своему характеру только тогда, когда ни один ограниченный социальный участник не может приписывать себе представительство тотальности и притязать на обладание основной «властью»»¹. Да, ни один самостоятельный участник политического не может претендовать на единичное обладание властью, но он не может войти в пространство политического, если не будет соразмерен этому пространству, не будет находиться в событии политического как про-

¹ Лэфорт К. *Формы истории*. СПб.: Наука, 2007. С. 177.

¹ Муфф Ш. К агонистической теории демократии // *Логос*. № 2. 2004. С. 193.

екта. А это значит, как писал Славой Жижек с отсылкой на позицию Канта, что сингулярный субъект непосредственно участвует во всеобщем, что «эта идентификация со всеобщим является не идентификацией со всеобщей глобальной субстанцией, а идентификацией со всеобщим этико-политическим принципом»¹. Второй полюс притяжения людей и отторжения их от политического пространства — это нечто сверхординарное, будь то захватывающий дух искусства, «преображения» (если пользоваться философией Элиаса Канетти), или нечто интригующее в природе, или уход от действительности в поиск «летающих тарелок», «снежного человека» и т.д. Виртуальный мир мнимостей, основанный на соблазне уйти от обыденности, или создать «другую реальность» есть пространство игры. Но игра — дело несерьезное и случайное, превращается в свою противоположность, если ей придать онтологическое содержание (что и сделал применительно к войне Карл Шмитт). Распространившаяся метафора «игры» как жизни — это результат потери политического, захвата его новой демагогией правдоподобного, это симптом болезни прошедшего века, которому не хватило мужества оценить до конца последствия двух мировых войн. Наступает новая метафизика политического, основанная на не милитаристском понимании кантовского критического рационализма. Критическая наука о политике является первым шагом к пониманию политической реальности как открытости к проекту. Политическая наука тогда выступает в единстве философии, сравнения и практической ориентированности. Тогда она становится ответственной за слова, которые произносит. Политическая наука понимает свою роль как реального факта политической действительности, а, следовательно, является не метафизической, а политической. Она подозрительно относится к давлению обстоятельств, которые не всегда являются непреодолимыми. В каком-то смысле политическая наука возвращается к диалоговой форме познания с претензией на совместный поиск открытия, а не на утверждение авторитетного мнения. В этом отношении современная политическая наука пытается реализовать этот проект в опоре на всеобщее чувство, а не на стигматизацию «приборного» понимания политической реальности.

Всеобщее чувство и политика. Против «приборного» понимания политики направлены размышления Ханны Арндт об основных феноменах XX-го века. Размышления о свойствах политического начинают интересовать Арндт в связи с тоталитаризмом, о котором она блестя-

ще написала в работе «Истоки тоталитаризма» 1951 г. Но ее переход от общефилософской проблематики к политической начинается в 1933 г., когда сотрудничать с нацистским режимом стал Мартин Хайдеггер, ученицей которого она была. Хайдеггер, нацистский тоталитаризм и ее попытка опереться на Канта имеют, как представляется, несомненную связь. Если говорить кратко, то размышление Арндт о нацизме и о странном вовлечении в него Хайдеггера сводится к «банальному» выводу. Тоталитаризм и нацизм как его разновидность связан с потерей здравого смысла (*common sense*), с атрофией способности понимания и рассуждения, к которому приводит современный онаученный мир, мир техники. В статье «Понимание и политика» 1953 г. Арндт пишет: «Мы живем в перевернутом мире, мире, где мы не можем найти наш путь, руководствуясь правилами, среди которых когда-то был здравый смысл»¹. Здесь у Арндт еще нет различия между здравым смыслом (*common sense*) и всеобщим чувством (*sensus communis*), но она всемерно подчеркивает значение кризиса «наших категорий мысли и стандартов рассуждения», которые высветил тоталитаризм.

Учитывая эти замечания и следует рассматривать попытку Ханы Арндт найти политическую философию Канта не в его идеях морали и права, а сначала — в теории вкуса, в «Критике способности суждения», а затем — и во всем его творчестве.

Арндт попыталась реконструировать кантовское понимание ответов на сформулированные им вопросы о том, может ли человек жить один и что есть человек. Именно в «Критике способности суждения» Канта, считает Арндт, мы можем обнаружить его политическую философию, те идеи и размышления, которые касаются самого существенного в этом отношении — жизни человека в плюральном обществе, его связи с другими людьми, его общения с ними: «...Предмет «Критики Суждения» — особенное, будь то факт природы или истории; способность суждения как способность человеческого ума, который с ним имеет дело; социальность людей как условие функционирования этой способности, т.е. взгляд, что люди зависимы от их товарищей не только по причине наличия тела или физических потребностей, но именно по причине их умственных способностей — все эти вопросы, каждый из которых обладает чрезвычайной политической значимостью, т.е. важностью для политического — интересовали Канта задолго до того, как он, наконец, после завершения критического дела возвратился к ним,

¹ Жижек С. Устройство разрыва. Паралаксное видение. М.: Европа, 2008. С. 18.

¹ Цит. по: *Beiner R. Hannah Arendt and Judging // Arendt H. Lectures on Kant's Political Philosophy. Chicago: The University of Chicago Press, 1982. P. 95.*

когда стал старым»¹. Арндт и ранее обращала внимание именно на эту работу, на ее философско-политическое содержание, и объясняла различие между двумя кантовскими политическими философиями — в «Критике практического разума» и в «Критике способности суждения». Но именно в последней из «Критик» она видела действительное раскрытие сути и оснований политического у Канта².

Для того, чтобы понять, почему Ханна Арндт в «Критике способности суждения» находит основания для политической философии Канта, нужно иметь в виду и следующее: для нее «общим элементом, связывающим искусство и политику, является то, что они оба принадлежат к феноменам публичного мира»³. В связи с этим, во-первых, ее метод аналогии: найти в суждениях вкуса о прекрасном то, что имеет непосредственное отношение к общей логике общающихся людей, а не одиноко размышляющих философов. Центральными являются кантовские размышления о всеобщем чувстве, которое Арндт вслед за Фомой Аквинским называет *sensus communis* и противопоставляет его вслед за Кантом здравому рассудку, или общему вульгарному чувству. Для нее здесь значимо то, что всеобщее чувство позволяет сопоставлять свое суждение с суждениями других. Кант писал: «Между тем под *sensus communis* следует понимать идею всеобщего чувства, то есть способности суждения, мысленно (априорно) принимающего во внимание способ представления каждого, чтобы, таким образом, исходить в своем суждении как бы из всеобщего человеческого разума и избежать иллюзии, которая в силу субъективных частных условий, легко принимаемых за объективные, могла бы оказать вредное влияние на суждение»⁴. Во-вторых, обращение к эстетическим работам Канта связано с феноменологией Ханны Арндт. Для нее феноменальность политики является аналогией феноменальности искусства. «Для Арндт политика определяется феноменологически как самораскрытие в пространстве явленности»⁵. Сошлемся здесь на прекрасное описание «метода политического мышления» Арндт, сделанное Эрнстом Волратом. Он пишет, что беспристрастие (в отличие от объективности) «предпо-

лагает, по сути, “говорить то, что есть”, ... признавать феномены в их фактичности и определять эту фактичность скорее в феноменальном смысле, чем истолковывать ее, исходя из эпистемической основы... Вид политического мышления Ханны Арндт связан с рассмотрением предметов в политике не как “объектов”, а как феноменов и актов появления (*appearances*). Они есть то, что показывает себя, что появляется перед глазами и чувствами... Политические события есть феномены в специальном смысле; можно было бы сказать, что они есть феномены *per se* (по преимуществу)... Пространство, в котором политические феномены случаются, создается самими феноменами»¹.

В статье «Кризис в культуре: его социальное и политическое значение» Ханна Арндт пишет, что «Критика практического разума», с которой обычно связывают политическую философию Канта, обращает внимание на способности разума давать себе законы. Здесь, однако, эта способность не предполагает общение с другими, необходимость договориться с другими. Она считает, что этика и логика, когда разум не противоречит самому себе в категорическом императиве, описывают здесь по преимуществу теоретическую, а не политическую активность.

По сравнению с этическим обоснованием, «в “Критике суждения”... Кант настаивает на другом способе мышления, для которого недостаточно было бы находиться в согласии с самим собой, но которое состоит из способности “мыслить, ставя себя на место другого” и которое он, следовательно, называл “широким мышлением”. Сила суждения покоится на потенциальном согласии с другими, и процесс мышления, который активен в рассуждении о чем-то, не является, подобно мыслительному процессу чистого разума, диалогом меня с самими собой, а находит себя всегда и преимущественно, даже если я совершенно один что-то обдумываю, в ожидаемом общении с другими, с кем я знаю я должен прийти к некоторому соглашению»². «Эта способность рассуждать, — пишет далее Арндт, — является специфически политической способностью в точном смысле, определенном Кантом, именно, способностью видеть вещи не только со своей собственной точки зрения, но в перспективе всех тех, кто присутствует; именно эта [способность] суждения могла бы быть одной из фундаментальных способностей человека как политического существа, поскольку она дает возможность ему ориенти-

¹ *Arendt H.* Lectures on Kant's Political Philosophy. Chicago: The University of Chicago Press, 1982. P. 14.

² *Arendt H.* Between Past and Future. Eight Exercises in Political Thought. Harmondsworth: Penguin, 1993. P. 219–221.

³ *Ibid.* P. 218.

⁴ *Kant И.* Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. С. 166.

⁵ *Beiner R.* Hannah Arendt and Judging // *Arendt H.* Lectures on Kant's Political Philosophy. Chicago: The University of Chicago Press, 1982. P. 110.

¹ *Vollrath E.* Hannah Arendt and the Method of Political Thinking // *Social Research*. Vol. 44. 1977. P. 163–164.

² *Arendt H.* Between Past and Future. Eight Exercises in Political Thought. Harmondsworth: Penguin, 1993. P. 220.

роваться в публичном пространстве, в общем мире»¹. В Канте Ханну Арендт привлекает критика как попытка раскрыть источники и границы способностей человека. Она считает, что кантовская критика стоит в двойной оппозиции к догматической метафизике (Вольфа, Лейбница), с одной стороны, и к скептицизму (Юма), с другой. Она не считает, что эта критическая позиция располагается где-то между догматизмом и скептицизмом: «Критическая позиция направлена против обоих»². Но что важно, для нее Кантовская критическая философия в целом имеет политическое значение в том смысле, что она восстанавливает значение политики для философии в двух смыслах: в смысле неотложной необходимости предпринять дело создания политической философии, а также в смысле политических выводов из кантовской критики. Она пишет: «Если мы теперь снова рассмотрим отношение философии к политике, становится ясно, что искусство критического мышления всегда имеет политические импликация, ... критическая мысль является в принципе антиавторитарной»³.

От состояния политики (*politics*) к политическому процессу (*policy*). Понимание политического как проекта вместе с акцентом на всеобщем чувстве как условии гражданского участия в истории находит выражение в трансформации политического знания. От исследования систем оно переходит к изучению процессов.

Policy (политика) есть процесс определения и реализации стратегии решения общественных проблем. Этимологически данный термин имеет связь с древнегреческим понятием *politeia* (государство, управление, правительство, гражданство), латинским *politia* (государство, гражданская администрация), со старофранцузским *policie* (гражданская администрация). В качестве плана действий, способа управления эти термины используются с конца четырнадцатого века. Начало использования термина *policy* связывают с концом пятнадцатого века, когда им обозначалось благоразумие или мудрость в управлении делами. В целом родоначальники и последователи этого научного направления выделяют три основных характеристики науки о политике⁴. Во-первых, изучение публичной политики является таким академическим занятием, которое пытается делать реальную политическую работу, предлагая поли-

тикам что-то, что они могут воплотить в реальную жизнь. Во-вторых, наука о политике всегда работает с ценностями. Исследования политики не только отражают политический мир, но и дают совет, как его улучшить, что не может не быть связано с ценностным подходом. И наконец, в-третьих, такая наука связана с политической деятельностью, советуя, что нужно делать, а не что должно быть. В настоящее время наука о публичной политике является развитой сферой научного знания, имеющей свои подходы, школы и модели.

Отметим два обстоятельства, которые являются значимыми для контекста данной статьи: 1) публичная политика приобретает значение фактора развития; 2) она трансформирует все составные части политического процесса и изменяет категориальный строй публичного управления, заменяя традиционную администрацию новым публичным управлением.

Во-первых, сегодня происходят существенные изменения в параметрах оценки развития и экономического роста, определяемые совокупностью факторов экономического, социального, технологического и политического характера. Модная концепция справедливого (инклюзивного) экономического роста базируется на стратегической предпосылке единства управляемости, конкурентоспособности и справедливости, т.е. интеграции всех условий развития. В этом отношении публичная политика как институциональная структура производства эффективности и справедливости начинает выполнять более значимую функцию. Управление публичной политикой и оценка его эффективности не может уже осуществляться только по критериям исполнения полномочий и определенных задач. Полномочия могут лишь сказать о том круге вопросов, который могут и должны решать органы публичного управления. Все эти вопросы связаны с организацией условий жизни населения, но не являются целостными показателями его жизни. Понятие «качество жизни» предоставляет большие возможности для выработки и осуществления управления публичной политикой и оценки деятельности органов публичной власти и управления. Следует сказать, что понятие «качество жизни» появляется как реакция на ориентацию оценивать условия жизни только количественными мерами, хотя и не преодолевает до конца эту реакцию. В этом смысле качество жизни является скорее синтетической категорией, позволяющей объединить условия жизни с особенностями их использования. Такие понятия, как комфорт, удобство, безопасность, доступность, чистота, разнообразие, выбор, калорийность, эстетичность, скорость и другие являются показателями, по которым могут оцениваться условия жизни

¹ Ibid. P. 221.

² *Arendt H.* Lectures on Kant's Political Philosophy. Chicago: The University of Chicago Press, 1982. P. 32–33.

³ Ibid. P. 38.

⁴ The Oxford Handbook of Public Policy / Ed. by M. Moran, M. Rein, and R. Goodin. Oxford: Oxford University Press, 2006.

населения. Конечно, уровень жизни здесь выступает важным базовым показателем, но если говорить о степени развития жизненных условий, то для современного человека качественные показатели имеют особое достоинство. На первый план выходит инвестиционная социальная политика как фактор экономического роста. Но и сама социальная политика должна оцениваться по-иному. Представляется заслуживающим внимания проект оценивания социальной политики государства не по критерию уровня бедности в экономических терминах, а по показателям «социальной изоляции», определяемой качественными оценками бедности. Важнейшей установкой здесь выступает оценка бедности в терминах включения/исключения, следовательно — принадлежности к социуму. Последнее является важным условием «мобилизации на участие» в публичной политике развития. Такая сложность оценок заставляет трансформироваться и систему государственного (публичного) управления.

Во-вторых, управленческая проблематика, как было сказано выше, неявно присутствует в концепциях политического процесса. В последние десятилетия в связи с разработкой представления о новом управлении (*governance*) политический процесс стал трактоваться как политико-управленческий процесс. Особенно это заметно в трактовке такого политического цикла, как имплементация — внедрение политики. Так, Майкл Хилл и Питер Хуп отмечают, что рассмотрение имплементации с позиций нового управления расширяет понимание этой стадии политического процесса. Это расширение предмета идет по трем основным направлениям: 1) необходимо различать правительство и управление, структуры и процессы, институты и деятельность, точку приложения усилий и направленность действий; 2) необходимо учитывать многоуровневый, многосубъектный и многосторонний характер политико-административной системы управления; 3) объединение имплементации и нового управления предполагает постановку их в определенные контекстуальные формы¹. Имплементация, следовательно, может рассматриваться как операционное управление, включающее в себя управление политическими процессами, внутриорганизационными отношениями и внешними и внутренними контактами в ходе реализации целей политики. Пол Керни, рассматривая имплементацию и управление, исходит из представления о *governance* как само-управляющихся сетях, которое в какой-то мере связано с пониманием этого процесса по модели внедрения политики «снизу-вверх», а следовательно изуча-

ет имплементацию политики через самостоятельные кластеры организаций, в которых сотрудничают разнообразные публичные и частные структуры¹.

Все эти подходы опираются на некоторые общие представления об изменении в публичной политике, характерном для конца прошлого — начала нынешнего веков. Хотя существует определенное скептическое отношение к полноте выражения этих зафиксированных наукой изменений в целом и по отдельным странам, однако общая тенденция все же так или иначе проявляется в массиве данных и практического опыта управления публичной политикой. Эти изменения составляют контекстуальный каркас для управления публичной политикой. Что особо отмечается в окружающей политике среде? Можно выделить ряд характеристик, которые воздействуют на управление публичной политикой в целом и на отдельные ее составляющие, которые относятся к политическому режиму, принципам управления, технологиям и механизмам, способностям акторов публичной политики, средствам и методам решения политических задач, внутренней структуре взаимодействия. К ним относятся следующие контекстуальные характеристики:

- усиление сложности окружающей среды, определяемой процессами интенсивной коммуникации, глобализацией, ростом лиминальных структур и неопределенности, открытостью пространств взаимодействия, лавиной технологических и социальных инноваций;
- разнообразием и увеличением числа участников выработки и реализации политики на различных ее уровнях и в различных ее сферах;
- повышением значения субъективных — когнитивных, информационных, психологических, моральных факторов в общественном развитии и в политике в целом;
- динамичное соотношение виртуальных и реальных факторов и процессов современного общественного развития и политики;
- устойчивое недоверие к формальным политическим институтам и практикам, политикам и государственным служащим, порождающее феномен спорной политики (*contentious politics*) и потребность у граждан быть разработчиками и проводниками публичной политики;

¹ Hill M., Hupé P. Implementing Public Policy: Governance in Theory and in Practice. L., Thousand Oaks, New Delhi: Sage, 2002. P. 14–16.

¹ Carney P. Implementation and the Governance Problem. A Pressure Participant Perspective // Public Policy and Administration. 2009. Vol. 24. № 4. P. 357.

* * *

- развитие социального капитала общества, трансформирующего традиционное представление о гражданстве в направлении более широкой мотивации включения в процессы публичной сферы;
- расширение технологической базы возможного политического участия, определяемой современными информационно-коммуникационными средствами и техникой;
- неспособностью государства справиться самостоятельно с проблемами достижения публичных благ и предоставлением публичных услуг; увеличением доли частного и гражданского участия в предоставлении публичных благ и услуг; развитие системы частно-государственного партнерства;
- инклюзивным характером современного экономического и общественного развития, предполагающим формирование институтов участия и использование участия в качестве фактора развития.

Управление публичной политикой в этих условиях не может строиться по модели прежнего разделения между политикой и администрированием, когда задача управления реализацией выработанных политических решений в целом было проблемой чисто рационального, бюрократического способа управления, основанного на иерархии и нормативной определенности. Недостаточно и чисто регулятивной функции государства в условиях экономического, рыночного управления публичной сферой, политический характер организации которой не подчиняется менеджериальной ментальности. Политическая работа (*policy work*) предполагает более широкие контексты и практики, чем рациональную торговлю или обмен ресурсами. В этом отношении управление публичной политикой — это не только структурные перемены (сложность, множество, неопределенность), но и процессуальные и оперативные изменения, связанные с другим характером управления, основанном на принципах открытости, дискуссии и ответственности, в центре которого лежат проблемы сотрудничества и координации. Эти принципы и проблемы являются центральными для определения существа управления как *governance*.

Принятые суждения, конечно, не могут рассматривать в качестве новой методологии, но позволяют отчасти понять, почему современная политическая наука пытается изучать политическую реальность, не отрываясь от ее специфики и особых форм выражения в проектах.

Проблема стигматизированного политического знания выражает, на наш взгляд, состояние не только научного знания о политике, но и трансформацию в самом пространстве политического, когда слово уступает дорогу взгляду, а идеология образу¹. Хотя политическая наука стремилась всегда противопоставить себя идеологическому знанию, однако, наверное, общие основания эпистемического свойства ей не удалось преодолеть. Поэтому «конец идеологии» отнюдь не означал конец идеологической эпистемы, которая продолжала развиваться под флагом политической науки. Как стигматизированное явление современная политическая наука испытывает неудобства, однако и политика, лишенная прояснения в новом знании, претерпевает свои заботы и плохо отвечает на новые вызовы. Реальная политика отвечает на возникшие противоречия популизмом и постправдой. Политическая наука противопоставленность сциентизма и культурологизма иногда пытаются преодолеть через развитие сложных, композитных, смешанных методологий. В любом случае, однако, методологические проблемы затрагивают существенно онтологические вопросы, без ответа на которые познание современных процессов и явлений будет страдать неполнотой, односторонностью, а то и ошибками. На первый план изучения политической реальности выходит единство онтологии и методологии, а значит погружение науки в реальность, превращение знания о политике в факт политической действительности.

¹ Turner St. The Politics of the Word and the Politics of the Eye // Thesis Eleven. 2003. Vol. 73. No. 3. P. 51–69.